МИР 07.07.2020 | Тобиас Дебиель & Йоханнес Вюллерс & Ирене Вайперт-Феннер

Власть улицы

За последнее десятилетие массовые протесты изменили мир, и этой волне не видно конца

Массовые протесты после смерти Джорджа Флойда показали, насколько хрупким является мир даже в промышленно развитых западных странах. Кроме того, они обладают потенциалом к изменениям в политике. К тому же в них воплотилась еще и широкомасштабная тенденция последнего десятилетия к распространению массовых движений протеста во всем мире, лишь временно прерванная ограничительными мерами, принятыми государствами вследствие коронавирусной пандемии. Вопреки распространенному мнению, 2019 год стал не исключением, а продолжением этой устойчивой тенденции.

Мы были очевидцами десятилетия чрезвычайно разнообразных протестов: начиная с массовых протестов в арабском мире, наложивших свой особый отпечаток на 2011 год, акций протеста против движения ПЕГИДА (Патриотические европейцы против исламизации Запада) в Германии (с 2014-го), волнений в Турции 2013 года и вплоть до таких транснациональных феноменов, как «Захвати Уолл-стрит» в 2011 году или демонстраций в защиту климата.

Из-за резких ограничений свободы передвижения и собраний, введенных во всем мире с целью нераспространения коронавирусной пандемии, волна протестов временно утихла. Но нынешние демонстрации против расизма и полицейского насилия в США и других странах показали, что конца этой волны ожидать не стоит. На такую же мысль наводит и анализ более глубоких причин массовых протестов, ставших характерной особенностью 2019 года.

Изучение сообщений СМИ, находящихся в общем доступе, которое провели ведущие немецкие институты исследований мира с целью предоставления отчета о ситуации в данном вопросе, дает представление о размахе этого явления в 2019 году: в целом в 45 странах состоялось 65 акций протеста, в которых приняли участие по меньшей мере 50 тыс. человек. Почти половина акций протеста

принесла хотя бы частичный успех. Решающими факторами в его достижении была поддержка протестов широкими слоями населения и длительная кампания по повышению активности населения.

Показательным примером здесь является Алжир. В середине февраля 2019 года состоялись первые протестные акции из-за повторного выдвижения кандидатом на должность президента действующего главы государства Бутефлики, которые быстро охватили всю страну. Помимо широкой поддержки этого протестного движения, важным фактором достижения успеха оказалась стойкость и непоколебимость демонстрантов. Другим протестным движениям (например, протестам в защиту климата в Австралии или за реформу авторского права в Германии) не удалось добиться подобного влияния на законодательство в своих странах или же они были попросту проигнорированы правительствами, как это произошло в случае с антиправительственными протестами в Сербии.

В ряде стран с автократическим правлением, например, Судане, России, или Иране, в 2019 году люди массово вышли на улицу, невзирая на прямую угрозу своему здоровью и жизни

Примечательны высокие шансы на успех, так как демонстрации охватили политические системы всех окрасок. Преимущественное большинство протестов – 48 процентов – прошло в демократических странах. Примерами тому – массовые демонстрации в Чили, Индонезии и Тунисе, протесты, связанные с Брекситом, в Великобритании, а также протесты в защиту климата во многих странах. Но и в целом ряде стран с автократическим правлением, в частности в Судане, России или Иране, в 2019 году люди массово выходили на улицу, невзирая на прямую угрозу своему здоровью и жизни.

В прошлом году важную роль в движениях протеста сыграли социально-экономические требования. Волну массового возмущения в Чили вызвало повышение цен на проезд в метро, в Эквадоре – отмена субсидий на горючее, в Ливане – налог на телефонные разговоры по WhatsApp, а в Судане – аннулирование дотаций на хлеб. То, что толчком к широкой активизации масс могут стать меры довольно специфического характера, свидетельствует о глубоко засевшем в сознании большей части населения недовольстве итогами деятельности «своих» правительств. Соответственно протесты быстро наполнялись новым содержанием и продолжались и после отзыва мер, вызвавших критику. Это касается политических систем

всех оттенков: в Чили, которую длительное время восхваляли как образцовую демократическую страну, главным стало требование создания учредительного конституционного собрания. В Судане демонстранты вышли на борьбу за свержение диктатора Омара аль-Башира и за переход к созданию гражданского правительства.

Международное сообщество (особенно в редких случаях успешных антиавторитарных протестов и начала процессов демократизации) должно оказывать политическую и экономическую поддержку этим процессам. Для повышения легитимности процессов преобразования важно, чтобы люди быстро ощутили «дивиденды от революции». Внешнее вмешательство всегда должно сочетать диалог с правительством, с одной стороны, и с оппозиционными силами, а также представителями гражданского общества – с другой.

Большинство людей в 2019 году выходили на мирные протесты, но иногда дело доходило до вспышек насилия в виде репрессий со стороны государства или применения силы со стороны определенных групп демонстрантов. Силы безопасности главным образом в авторитарных режимах, например, в Египте в 2019 году пытались задушить в зародыше попытки активизации масс. Однако и в демократических странах, в частности в Чили или Колумбии, а сейчас и во время акций протеста в США в качестве реакции можно было наблюдать несоизмеримо высокий уровень применения силы государством, что стало предметом острой критики правозащитных организаций.

Для повышения легитимности процессов преобразования важно, чтобы люди быстро ощутили на себе «дивиденды от революции»

Могут ли внешние игроки способствовать предотвращению эскалации протестов в насилие? Вполне. Так, в 2019 году в Судане Африканский Союз, с одной стороны, пригрозил применением санкций, а с другой – сделал ставку на посредничество в урегулировании конфликта и диалог, причем достиг успеха. Из этого могут извлечь урок ЕС, а также Германия. Соответствующие стратегии не должны ограничиваться лишь осуждением репрессий со стороны государства, но должны включать в себя широкий спектр мер. Именно целенаправленная поддержка процессов диалога, программ подготовки по неприменению насилия, а также контроль со стороны правового государства за силами безопасности могли бы внести решающий

превентивный вклад в достижение мира. Демократические реформы, начатые в результате протестов, должны также получать политическую и финансовую поддержку без особенных условий.

В случае непропорционального применения силы государством вполне законным средством является и угроза применения санкций. Впрочем, следует избегать шагов, которые полностью загоняют в тупик государственные элиты. Ведь тогда ряды сторонников режима смыкаются еще плотнее («эффект вагенбурга») и усложняется решение задачи мирного урегулирования конфликта. Пример тому – курс Запада, открыто направленный на поддержку партии, оппозиционной режиму Мадуро в Венесуэле и способствовавший консолидации рядов режима. Проблематичное признание многими странами Хуана Гуайдо президентом Венесуэлы сыграло на руку нарративу правительства о том, что протесты управляются «Западом / из-за границы». В конечном счете была сведена к нулю возможность будущих посреднических международных усилий по урегулированию конфликта.

Спад массовых протестов, обусловленный пандемией коронавируса, похоже, явление временное, о чем свидетельствуют последние демонстрации в США, Франции или Бразилии. А потому Федеральному правительству Германии следовало бы уделить большее внимание этому вызову в дипломатических мерах и политике, осуществляемой в целях развития. На дипломатическом уровне оно призвано занять более активную позицию, как это уже делается в случае с процессами преобразований в Судане. Составной частью инклюзивного процесса демократизации после антиправительственных протестов должно стать вовлечение в него всех общественных групп. Но Федеральное правительство может нарастить свои усилия и по оказанию помощи в целях развития, а также предпринять целенаправленные и быстрые меры для того, чтобы гарантировать успех реформ благодаря прогрессу движений за демократизацию.

Текст написан в соавторстве с Яннисом Заальфельдом (INEF) и Ионасом Вольфом (HSFK)

Тобиас Дебиель
Дуйсбург

Профессор, д-р Тобиас Дебиель (Tobias Debiel) является директором Института исследований развития и мира (INEF) Университета Дуйсбурга – Эссена и содиректором Käte Hamburger Kolleg / Центра по исследованиям в области глобального сотрудничества.

Йоханнес Вюллерс
Дуйсбург

Д-р Йоханнес Вюллерс (Johannes Vüllers) – старший научный сотрудник Института исследований развития и мира (INEF) Университета Дуйсбурга – Эссена. Занимается главным образом исследованием социальных движений.

Ирене Вайперт-Феннер
Франкфурт-на-Майне

Ирене Вайперт-Феннер (Irene Weipert-Fenner) – научный сотрудник и руководитель проекта Института им. Лейбница при Гессенском фонде исследований мира и конфликтов во Франкфурте-на-Майне (HSFK).

